

Давид Фонкинос
Леннон

David Foenkinos

Lennon

Давид Фонкинос Леннон

Перевод с французского
Елены Головиной

издательство **астрель**

УДК 821.133.1+784(092)

ББК 84(4ФРА)-44

Ф77

Художественное оформление и макет АНДРЕЯ БОНДАРЕНКО

Издательство благодарит ГРИГОРИЯ ДУРНОВО за помощь в подготовке книги

Издание осуществлено при содействии ИЗДАТЕЛЬСТВА АСТ

Фонкинос, Давид

Ф77 Леннон / Давид Фонкинос ; пер. с франц. Е. Головиной. — Москва : Астрель : CORPUS, 2012. — 256 с.

ISBN 978-5-271-45957-3 (ООО “Издательство Астрель”)

Молодой романист Давид Фонкинос стремительно завоевывает мировую известность. Лауреат нескольких престижных наград, он входит в пятерку самых читаемых писателей Франции. Его книги переведены на полтора десятка языков, а по роману “Нежность” снят фильм с Одри Тоту в главной роли.

Эта необычная биография Джона Леннона — тоже, по сути, роман, написанный от первого лица в форме монолога. Леннон рассказывает свою жизнь на сеансах психоанализа, пытается осмыслить логику своих поступков, понять причины метаний и постоянно мучающей его внутренней боли. В этой воображаемой исповеди он говорит о детстве, об оставивших его родителях, о музыке, о создании и о распаде “Битлз”, о головокружительной славе и о любви к Йоко Оно. Сеансы происходят с 1975 по 1980 год и обрываются накануне трагической гибели Леннона.

УДК 821.133.1+784(092)

ББК 84(4ФРА)-44

ISBN 978-5-271-45957-3 (ООО “Издательство Астрель”)

© Plon, 2010

© Е. Головина, перевод на русский язык, 2012

© А. Бондаренко, оформление, 2012

© ООО “Издательство Астрель”, 2012

Издательство CORPUS ®

Содержание

Введение	9
Сеанс первый	11
Сеанс второй	20
Сеанс третий	38
Сеанс четвертый	51
Сеанс пятый	60
Сеанс шестой	73
Сеанс седьмой	90
Сеанс восьмой	102
Сеанс девятый	114
Сеанс десятый	124
Сеанс одиннадцатый	136

Сеанс двенадцатый	150
Сеанс тринадцатый	166
Сеанс четырнадцатый	176
Сеанс пятнадцатый	198
Сеанс шестнадцатый	214
Сеанс семнадцатый	230
Сеанс восемнадцатый	244
 Эпилог	 251
Послесловие	254

— Ты хотя бы представляешь, на что лично для тебя будет похоже *When I'm Sixty-Four*¹?

— Нет, нет. Надеюсь, мы превратимся в симпатичную пожилую пару, которая живет где-нибудь на ирландском побережье и листает дневник своего безумия.

*Из интервью Дженну Уэннеру
(1970)*

1 Песня “Битлз”, название которой можно перевести как “Когда мне исполнится шестьдесят четыре года”. (Здесь и далее, кроме оговоренных случаев, — прим. автора.)

Введение

После ужасного детства, слишком рано пришедшей славы, перевернувшей его жизнь встречи с Йоко Оно, долгих лет метаний и увлечения наркотиками, в 1975 году, в возрасте 35 лет, Джон Леннон принял решение прервать карьеру и посвятить себя воспитанию сына Шона. На протяжении пяти лет он, живя в Нью-Йорке, не встречался с журналистами и не выпускал альбомов. Теперь у него появилось время для осмысления своего безумного пути. Приводимые ниже сеансы психоанализа начались 21 сентября 1975 года и кончились 7 декабря 1980-го, накануне того дня, когда Леннон был убит сумасшедшим.

Сеанс первый

В последний раз я лежа разговаривал с незнакомым человеком во время акции *Bed-In*. Неделя в постели с Йоко ради мира на земле. Люди думали, что увидят, как мы трахаемся, а мы просто хотели поговорить. А было это... Нет, не помню точно. Никогда не запоминал даты. Году так в 1968-м. Поглазеть на нас собрались десятки журналистов. Все это было в другую эпоху. Не знаю, принесло ли это хоть какую-то пользу. Может, мы выиграли немножко мира? Во всяком случае, затея не более дурацкая, чем объявлять голодовку. Мы просто изменили боевую позу. Боролись, но в горизонтальном положении. Кое-кто говорил, что у нас от мании величия снесло

крышу. Мы пели *Give Peace a Chance* и покупали целые развороты в газетах всего мира, лишь бы положить конец войне. Все над нами издевались, но мы первые поставили свою известность на службу делу мира. А известность наша, если уж меряться славой, зашкаливала. Нельзя же было вообще ничего не делать. Стоило мне не так пописать, и готово — я уже красовался на первой странице всех газет. Как ни парадоксально, именно безжалостный свет софитов часто помогал мне исчезнуть. Становясь для зрителей картинкой, я как бы переставал существовать. Я столько раз растворялся во всяких идеях. Ну а в тот раз это была идея Джона и Йоко, идея борьбы за мир. Самое заметное на свете отсутствие. Думаю, я всегда старался сбежать от себя самого, как будто я был своей собственной раной. Я уже про это говорил. Часть меня убеждена, что я — неудачник, зато другая считает, что я — Бог. Да уж, вам со мной нелегко будет. Конечно, работа такая... Даже если я склоняюсь к тому, что на кушетке перед вами все-таки неудачник.

Должен вам признаться, что я пришел сюда не случайно. Меня привел ваш взгляд. Когда мы встречались в лифте, вы так странно на меня смотрели. Совершенно нейтральным взглядом. Нейтральным, как

Швейцария. На меня с пятнадцати лет все пялятся как на диковину. Быть мной — это значит не иметь никакой возможности увидеть перед собой нормальное выражение лица. Для людей я битл, свихнувшийся на политике и любви к Йоко. Но не для вас. Вот это меня и притягивает. Ну и практическая сторона присутствует. Я ведь могу приходить к вам в домашних тапочках. Как будто вышел вынести мусор, а на самом деле выворачиваю перед вами душу. Если у вас здесь кабинет, значит, вы очень хороший доктор. “Дакота” — это не просто дом, это гнездышко для богатеньких. Таких, как я. Таких, каким я теперь буду всегда. Я уже говорил, что по популярности мы переплюнули Иисуса Христа. А по богатству — всю Бангладеш. Моими деньгами распоряжается Йоко, но я же вижу, что квартира у нас становится все больше и больше. Если и дальше так пойдет, скоро я срать буду в Бруклине. Ой, извините. Это у меня юмор такой... Скоро сами увидите... А-а, понял, понял. Вы сами ничего не говорите. Странно. Руку бы дал на отсечение, что вы любите разные теории. Вид у вас больно уж профессорский. Может, потом, попозже? Подведете итоги, а? Если успеем? Учитывая, сколько я всего пережил, нам не меньше века понадобится, чтобы все проанализировать. Включая выходные и праздничные дни.

У меня сейчас особенное время. Йоко ждет ребенка. Это чудо, после всех ее абортот и выкидышей. Она беременна моим счастьем. Беременна моим покоем. Я считаю часы, минуты и секунды. Она такая красивая, вся круглая, и от этой круглости я счастлив. Ну начинаю быть счастливым. Мои личные бесы еще щекочут мне ступни, но я их отпихиваю. Это счастье, которое вот-вот наступит, оно меня немножко пугает. Понятия не имею, что надо делать, когда ты счастлив. Может, за этим я сюда и пришел. За инструкцией по применению счастья. Как будто мне его доставили, а я смотрю на него как на солнце. Блдею от восторга, но боюсь сжечь глаза.

До сих пор я знал только ужас. Чего я только не перепробовал, чтобы из него вырваться. Наркоту. Много наркоты. Поначалу мы просто курили травку. Ржали все время. У меня было впечатление, что я вернулся в детство. Вернее, в первый раз попал в детство. Начинали забивать с утра пораньше. В студии прятались, чтобы не засек Джордж Мартин, наш продюсер. Как школьники. Вот на этом и надо было остановиться. Не рыть самим себе могилу. Но, черт, ведь это все-таки совершенно изменило мой взгляд на вещи, мое отношение к реальности. Разве без наркоты я совершил бы переход

от *Love Me Do* к *I Am the Walrus*? Не знаю. Может, все это и так уже было во мне. И если бы я накачивался одной водой, результат был бы тот же. Откуда мне знать? Никому не дано повернуть вспять кровь в собственных венах.

Мы увлекались кислотой, но очень недолго. ЛСД — вот была настоящая революция. Восприятие распахнуло все свои двери. Мир сразу изменился. Первый раз по силе воздействия оказался таким же сногсшибательным, как потеря невинности. Только это была потеря невинности духа. Нас пригласил на ужин зубной врач. Ну не бред — дружить со своим зубным врачом! Нельзя доверять людям, которые суют свой нос к тебе в пасть. И он напичкал нас ЛСД — втихая, мы даже не заметили. По-моему, он надеялся на сеанс групповушки. Кому ж не хочется трахаться с битлами? Когда мы от него ушли, я взял машину. И всю ночь видел Лондон шиворот-навыворот. Это было волшебно. Ну я и подсел. Но никогда не собирался воспевать это дело. Почему-то все решили, что *Lucy in the Sky with Diamonds* означает ЛСД. Я все удивлялся, с чего вдруг? Но может, сработало подсознание? После этой истории я пересмотрел названия всех своих песен, изучил начальные буквы слов, все искал зашифрованные смыслы. Но так ничего

и не нашел. Никто не верил, когда я говорил, что эту песню мне подсказал рисунок моего сына. Да и вообще, сколько я ни пытался разоблачать всякие выдумки, мне никто никогда не верил. Вот Полу поверили бы, он у нас такой... правильный. А я-то интеллеktуал яйцеголовый, и вообще извращенец, откуда у меня возьмется целомудренное подсознание? Хотя всем плевать. Но вот что самое смешное. Один французский ученый раскопал скелет — самый древний в мире. И в тот момент, когда он его нашел, по радио передавали эту песню. И он назвал скелет Люси. Круто, а? Круче, чем допытываться, прославляю я в ней наркоту или нет.

Честно говоря, я и сам уже не понимаю, что тут правда, а что нет. Мне в то время было хреново. И я не знал, что делать, чтобы стало лучше. Потом я понесся дальше — перешел на героин. Я чувствовал себя ничтожеством. Боялся всего на свете. Никто даже не догадывается, какой я трус. Ты можешь давать концерт перед залом в пятьдесят тысяч человек и трястись от мысли, что тебе надо заговорить с женщиной. Я сам себе был противен. И группа мне опротивела. Как будто я женился на “Битлз” и меня этот брак душил. Разговаривать было не о чем. Во время нашей первой поездки в Америку менеджер запретил

нам упоминать Вьетнам. Может, поэтому меня потом и прорвало, да так, что я ни о чем, кроме политики, говорить уже не хотел. Эти мудаки мне слишком долго затыкали рот. Мы были четыре парня на ветру¹, только ветер задувал ледяной. Я звал на помощь, а люди мне хлопали. Я был испуганным животным. Чувствовал свою уязвимость. Мне казалось, мир от меня убегает. Перед глазами стояли картины: люди садятся в поезда и в самолеты, лишь бы сбежать от меня подальше. Это чувство со мной давно. Я так много пел, чтобы меня не бросали. Даже с вами я вот пытаюсь шутить, пытаюсь вам понравиться, сделать что-то такое, чтобы вы ко мне прониклись и не вытурили меня отсюда. Конечно, я понимаю, да тут и понимать нечего, что все это связано с моими родителями. Когда я был маленьким, они постоянно от меня сматывались. Вся моя жизнь — это бесконечная попытка доказать миру, что я чего-то стою, и чтобы это понять, никакой психоанализ не нужен. Ну хорошо... А если бы, например, родители все время были со мной, что тогда было бы? Наверное, я мог бы вырасти счастливым. И стал бы зубным врачом.

¹ “Четыре парня на ветру” (*Quatre garçons dans le vent*) — так назывался во французском прокате фильм Р. Лестера “Вечер трудного дня” (оригинальное название — *A Hard Day's Night*, 1964), в котором снимались участники группы “Битлз”. (Прим. перев.)

Чтобы выкарабкаться из этой ямы, я чего только не перепробовал. Экспериментировал с первичным криком¹. Это когда стараешься через крик исторгнуть из себя детские травмы. Во время сеансов мы все плакали. Мне казалось, что-то такое получается, но на самом деле нет, ничего не вышло, потому что боль неизменно возвращалась. Боль — она не уходит на каникулы. Страдание вечно. А еще раньше, до криков, я испробовал тишину. Сегодня, вспоминая об этом, я понимаю, до чего я докатился, если кидался из крайности в крайность. Это спятить можно. Думал спастись медитацией. Ездил в Индию с Махариши — это такой гуру с бородашкой. Какую мы ему рекламу сделали! Вы только представьте себе! Заполучить себе в ученики “Битлз”! Все это обернулось пшиком. Он сидел у себя в ашраме, мелкий паша, да и только, а вокруг суетились всякие помощники и без конца талдычили, что он, дескать, творит чудеса. Потом начались всякие истории с девушками. Очень ему хотелось с некоторыми из них переспать, он их чуть ли не насиловал. Тут я уже засомневался. Потребовал от него объяснений, но ничего не до-

¹ “Первичный крик” — книга американского психолога и психотерапевта Артура Янова, создателя теории первичной терапии, согласно которой врач, вызывая крик, заставляет больного вновь пережить страдания, лежащие в основе невроза. Пациентами Янова были Джон Леннон, Йоко Оно, Стив Джобс. (Прим. перев.)

бился. А потом посмотрел ему в глаза и понял, что он нас просто развел, как лохов. Это было жестокое разочарование. Как любовь с первого взгляда, только наоборот. Я увидел в его глазах всю ненависть, на какую он был способен. В мире в это время всех поголовно увлек дзен. А мне уже стало ясно, что наша мечта о просветлении и внутреннем покое лопнула. И еще я понял, что поиски Бога — это удел слабаков, потому что в конце приходишь к пустоте. Я вернулся домой уничтоженный. Спасла меня музыка. Из этой поездки я привез свои лучшие песни.

В общем, вы сами видите: я старался. И сейчас, когда мы разговариваем, весь мой горький опыт со мной. Мне сейчас больше всего хочется отдохнуть. Обрести чистоту. Во сне мне снится такое, что я в ужасе просыпаюсь. Меня преследуют кошмарные воспоминания. Воспоминания детства... Воспоминания об ужасных поступках, которые я совершил... Сколько же во мне было злости! Я чуть ли не голыми руками был готов убивать. А, ладно. Не знаю, надо ли вам рассказывать про все свои гнусности, хоть это и правда. Наверное, все же надо. Может, пора ступить на этот путь. Время пришло.